

у Суздальському літописі — 1). Як можна судити з нашого повідомлення, це — споруда, в яку може зайти людина та яка замикається на ключ. З іншого повідомлення *Inam*. довідуємося, що «гробниця» є якоюсь окремою спорудою на території монастиря, не тотожною з його церквою: «В то же лѣто перенесе блговѣрна княгини Елена . ѡска княа своего Ярополка . из гробницѣ . въ цркъвѣ сѣго Андрѣа . и положи его оу ѡанкы (ПСРЛ 2: 319). Можна було б думати, отже, що «гробниця» — це поминальна каплиця або церква над похованням князя.

Олексій Толочко

К вопросу об источниках *Введенского синодика* Киево-Печерской лавры

С 1654 по 1694 гг. при церкви Введения Пресвятой Богородицы во храм в Ближних пещерах Киево-Печерской лавры вѣлся помянник важных особ и вкладчиков — так называемый *Введенский синодик (ВС)*. Предполагается, что в его состав вошли записи, которые были внесены в предшествовавший ему аналогичный список. Текст вплоть до записи 1654 г. с упоминанием царского воеводы Фѣдора Волконского, написан одним почерком и на бумаге, датируемой по филиграмям 1654 г.¹ Часть этого текста до первой датированной 1640 г. записи получила условное название «исторической», т. к. её «составитель-копиист интересовался русской историей и осуществил определённую поисковую и редакторскую работу»². «Историческая» часть, кроме упоминания патриархов, митрополитов, епископов, царей, князей, включает помянник князей черниговских XI–XV вв. С. Келембет связал составление этой части *ВС* с инициативой Зосимы Прокоповича, епископа черниговского, составителя синодика при кафедральном храме черниговского Елецкого монастыря, с 1635 г. бывшего «блюстителем пещеры святого Антония», в которой находится древнейшая Введенская церковь³. Состав *Елецкого синодика* близок структуре *ВС* и связь его составления с инициативой того же Прокоповича, ставшего черниговским епископом в 1648 г., предполагает, по нашему мнению, обратный процесс заимствования в него черниговских записей из *ВС*. Мы полагаем, что «историческая» часть *ВС* была составлена в стенах Киево-Печерской лавры.

I

Попытаемся аргументировать эту гипотезу на примере анализа поминальной записи о черниговском князе Михаиле Всеволодовиче, его супруге и верном боярине Фѣдоре:

Велик: Кнз: Михаила, Черниговского Всеволодича, Сѣславля внука, и Болрина Сѣго Оевдѣра, Непоклонившемса Слнцу і неходившимъ вколо кѣста, і того ради оубіенны ѿ татар за правовѣрнѣю вѣру. Кнѣзѣ Михайлѣвѣ Кнѣгиню Евдѣкию⁴.

Князь Михаил и его боярин приняли мученическую смерть в ставке Батые в сентябре 1246 г. за отказ выполнить некие языческие ритуалы. Обстоятельства их гибели с разной полнотой воспроизводятся в агиографических и нарративных текстах, восходящих к общему источнику, составленному до мая 1247 г.⁵ В процессе переработки этого текста в соответствии с жанровыми особенностями сборников и компиляций, в которые его включали, в нём появились отдельные маркирующие детали. Так, в конце XIII в. в него было включено упоминание о требовании к князю Михаилу и его боярину «поклониться кусту» прежде, чем попасть на аудиенцию к Батюю.

Упоминание «куста» как предмета поклонения в ставке Батые характерно только для двух групп текстов. С одной стороны, оно ведёт нас к рассказу о поездке в ставку волынского князя Даниила Романовича (*ПД*) в 1245/46 гг. из *Галицко-Волынской летописи* (*ГВл*), представленной основными *Ипатьевским* (*Ипат.*) и *Хлебниковским* (*Хлебн.*) списками, восходящими к общему протографу, составленному ок. 1295 г. С другой — к тексту специального *Сказания об убиении князя Михаила и его воеводы Федора*, представленного несколькими разновидностями, редакциями и вариантами (древнейшим из которых является текст из псковского *Пролога 1313 г.* (*ППр*)), восходящими к общему более раннему протографу⁶. Мы предположили, что протограф *ППр* был также составлен на Волыни одновременно с протографом *Ипат.-Хлебн.*⁷ Это объясняет включение в них упоминания о «кусте», но вряд ли имеет отношение к составлению *ВС*.

Естественно, что первоочерёдный интерес представляет текст *Сказания*. В протографе *ППр* неоднократно сообщалось о требовании монголов к прибывающим вельможам «поклоняться кусту». Об этом напоминают постоянно в различных сочетаниях с другими объектами поклонения: «идоша сквозѣ огонь, и поклонишася коустоу и солнцю»; «не иди сквозѣ огонь ни поклонися коустоу и идоломъ ихъ»; «аще ли преидеши сквозѣ огонь, ни поклонишися коустоу, ни идоломъ»⁸. В комплексе с «поклонением кусту» в *ППр* упомянуты огонь, солнце, идолы, тварь, «боги наши». При этом остаётся нераскрытым смысл ритуала поклонения «кусту», неизвестного монгольской или тюркской традиции богопочитания, и обозначенного термином, незнакомым древнерусской литературной традиции.

Близкий набор предметов поклонения перечислен в тексте *ГВл* в описании поездки князя Даниила Романовича в ставку Батые. В ней говорится о том, что

приходящая цѣри и князи . и велможѣ . слнцю и лоунѣ . и земли . дьяволоу . и оумршимъ въ адѣ вѣмъ ихъ . и дѣдомъ . и мтрѣмъ . водаше вколо коста . поклонатиса имъ⁹.

Последовательность действий ритуала, связанного с «кустом», более полно представлена именно в *ГВл* — «водаше вколо коста». Сообщение

является поздней вставкой, включённой в текст не ранее 1288 г., и у нас нет никаких оснований связывать упоминание о «кусте» с действительными обстоятельствами приёма Батыем князя Даниила. Смысл этого обряда, возникшего под пером древнерусского литератора, раскрывается именно в *ГВл* с опорой на *Вульгату*¹⁰ и заключается в почитании умерших предков-язычников, находящихся в аду и навсегда потерявших надежду на спасение души. Так как сообщение о ритуале «поклонения кусту» в *ГВл* представлено в развёрнутом виде, оно представляется нам первичным по сравнению с известием *ППр*.

В *ВС* также упоминается «куст», что наряду с указанием на то, что князь Михаил и Фёдор были «оубієнны ѿ татар за правовѣрнѣю вѣру», должно было бы указывать на то, что составитель записи опирался на агиографическую традицию. Но в записи сказано о необходимости «ходить около куста», как в *ГВл*, а не кланяться «кусту», как в *ППр*, при том, что о «поклонении солнцу» говорится в обоих текстах. В таком случае естественно предположить, что запись *ВС* о князе Михаиле сделана на основе текста *ГВл*. В этом нас убеждает и то, что Фёдор в группе житийных текстов, родственных *ППр*, назван «воеводой», а в *ГВл* — «боярином», как и в *ВС*.

II

Вслед за поминанием князя Михаила Всеволодовича в *ВС* следует запись:

Велик: Кнз: Антвнїя Володимира . Игоровича, и Петронеллѣ:

С. Келембет небезосновательно полагает, что «речь идет о Владимире Игоревиче (родился в 1170 г.), старшем сыне знаменитого Игоря-Георгия Святославича, князя Новгород-Северского»¹¹. Но в таком случае следует пояснить, почему в *ВС* крестильным именем князя оказалось Антоний, а его жена названа Петрониллой, именем редким. Дело в том, что протограф *Ипат.-Хлебн.*, кроме текста *ГВл*, сохранил текст *Киевской летописи (Кл)*, составленной на рубеже XII–XIII вв. В ней указана дата рождения князя Владимира Игоревича — 8 октября. 9 октября праздновалась память прп. Петра Галатского¹², в честь которого на следующий день после рождения был наречён князь Владимир:

Тогожъ лѣтѣ . родиса . оу Игорѣ . снѣ . мѣца . октабра . въ . иѣ . днѣ . и нарекоша имя ему Володимѣръ . а во крѣщньи Петръ¹³.

Итак, из *Кл* мы знаем, что крестильным именем князя Владимира было Пётр, а не Антоний. Но всё не просто также с именем его жены. Известно, что Владимир попал в плен вместе со своим отцом во время похода на половцев. Будучи в течении двух лет почётным пленником, он нашёл в полковом стане супругу в лице дочери хана Кончака, от которой у Владимира

родился сын. Вместе с половецкой княжной князь вернулся на родину, где и сыграли свадьбу, о чём также сообщается под 1188 г.:

Тогда же приде Володимѣрь . ис Половѣць . с Коньчаковною . и створи свадьбу Игорь снѣи своемоу . и вѣнча его и с дѣтатемь¹⁴.

Имя жены Владимира Игоревича летопись не упоминает, как и другие источники. У В.Н. Татищева она названа Свободой, что представляется шуткой историка¹⁵. Как бы ни называли половецкую княжну, имя Свобода не было крестильным и поэтому не подходило для венчания. Из текста *ВС* следует, что перед венчанием половецкую крестили, назвав в честь Петронииллы Римской. Обычно крестильное имя даётся в честь того святого, память которого празднуется в день крещения. По стечению обстоятельств 9 октября празднуется также память Петронии, дочери ап. Петра, или Петронииллы¹⁶. Эта дата совпадает с днём крещения князя Владимира-Петра. В других месяцесловах память Петронииллы помещена под 8 октября¹⁷, что совпадает с днём рождения Владимира. Поэтому нам представляется неслучайным признание его жене в тексте *ВС* имени Петронииллы.

Если мы внимательно прочитаем текст статьи 1188 г., то должны будем отметить, что это известие продолжает ряд других брачных сообщений:

Того же лѣтѣ с велика днѣ посла кнѣзь Рюрикъ Глѣба княза шюрина своего с женою Чюрыною с женою . инши многи богарѣ с женами . ко Юрьевичю . к великому Всеволодоу . в Соуждалѣ . по Верхоуславоу . за Ростислава [...] ѿпусти и в Роусь с великою любовью . за кнѣза Ростислава . посла же с нею сестричича своего Акова с женою . ины богары с женами . приведоша же ю в Бѣльгородъ . на Сѣфросѣньинѣ днѣ . а заоутра Бѣгослова . а вѣнчана оу стѣхъ апѣль . оу дереваной цркви блжнѣимъ епѣпомъ Максимомъ . створи же Рюрикъ . Ростиславоу велми силноу свадьбу ака же несть бывала в Роуси . и быша на свадьбѣ . кнѣзи мнози за . кѣ . кнѣзи . сносѣ же своеи даль многи дары и городъ Брагинѣ такова же свата и с богары ѿпусти ко Всеволодоу . в Соуждалѣ с великою чѣтью и дары многими вдаривъ . Тоѣ же . недѣлѣ ѿда Рюрикъ дчерь свою Арославоу . за Сѣослава в Новьгороѣ . Сѣверьскѣи¹⁸.

Хронология событий следующая: 17 апреля посольство, отправленное князем Рюриком за невестой, выехало из Киева в Суздаль. Невеста прибыла в Белгород 25 сентября в воскресенье на память прп. Ефросинии Александрийской, а на следующий день памяти преставления апостола и евангелиста Иоанна Богослова в церкви Апостолов произошло венчание Ростислава Рюриковича и дочери князя Всеволода. И на этой же неделе, то есть после 26 сентября, князь Рюрик отправил в Новгород-Северский свою дочь Ярославу. Киевский великий князь выдал её за Святослава Игоревича, младшего брата князя Владимира. Расстояние от Белгорода до Киева составляет 23 км и дальше до Новгорода-Северского вверх по Днепру и Десне ещё ок. 270 км или приблизительно 10 дней пути. Следовательно, и эта свадьба совершилась уже в октябре 1188 г.

Вторая свадьба (Владимира Игоревича) в Новгороде-Северском произошла «тогда же», когда и Святослава Игоревича, то есть вскоре после неё, так как после этого сообщается о том, что «Тое же весени родиса снѣ оу великаго Всеволода . в Соуждали во Филипово говѣние . мѣца ноябра. во к̄с . днѣ»¹⁹. Весьма заманчиво допустить, что, читая летопись, составитель *ВС* мог произвести подсчёты и предположить, что свадьба князя Владимира была приурочена к его 18-летию, то есть произошла 9 октября в день его крещения. Его половецкую жену должны были крестить накануне свадьбы (8 или 9 октября), когда отмечена память Петрониллы. В таком случае, следует предположить, что автор *ВС* составил поминальную записку, опираясь исключительно на информацию из *Кл* и знание церковной традиции. В любом случае появление в *ВС* неизвестного другим источникам имени Петронилла следует считать авторской находкой, сделанной на основании анализа им хронологии событий, отражённых в *Кл*.

Но почему достоверное имя Владимира — Пётр — было заменено на Антоний? Полагаем, что составитель *ВС* пытался таким образом избежать коллизии: появления в одной краткой поминальной записи имён Петра и Петрониллы, которое демаскировало бы его конструкцию.

Все вышеуказанные обстоятельства появления в поминальной записи *ВС* имени Петрониллы для обозначения жены князя Владимира Игоревича, как и присвоение ему крестильного имени Антоний, указывают на то, что они являются домыслом составителя *ВС*. Мы постарались восстановить ход мыслей автора поминальной записки, в результате чего стало очевидно, что появление в тексте редкого имени Петронилла и замена крестильного имени Пётр на Антоний были возможны исключительно на основании внимательного изучения им текста *Ипат.-Хлебн.*, включавшего *Кл* и *ГВл*.

До 1621 г. летопись типа *Ипат.* не была известна в Киеве. Наиболее ранним документальным свидетельством знакомства с ней есть изготовление в 1621 г. *Погодинского* списка, копии *Хлебн.*; в 1622/23 гг. *Хлебн.* привлекалась при составлении *Палинодии* Захарией Копыстенским, ок. 1635 г. — при составлении *Густынской летописи* и *Патерикона* Сильвестра Косова, а в 1638 г. — *Тератургимы* Афанасия Кальнофойского²⁰. С тех пор *Хлебн.* активно использовалась для восстановления исторической памяти в стенах Киево-Печерского монастыря.

Таким образом, мы можем точно определить, к какому времени относится составление «исторической части» *ВС*. Из этого следует, что поминальные записи из *ВС* о князе Михаиле Всеволодовиче, его жене и боярине Фёдоре, князе Владимире Игоревиче и его жене Петронилле не имеют никакого отношения к неизвестным древним черниговским поминальным записям. Они составлены в Киево-Печерской лавре на основании *Хлебниковского* списка не ранее 1630-х гг. Следует предполагать, что этот летописный список, доведённый до конца XIII в., был единственным историческим источником для

автора *ВС* при составлении им древней части помянника ввиду того, что другие его источники определить не удаётся.

- 1 Поменник Введенської церкви в Ближніх печерах Києво-Печерської лаври. Упор. та вступ. ст. О. Кузьмука. *Лаврський альманах*. Вип. 17. К., 2007, 6.
- 2 Поменник Введенської церкви, 7.
- 3 Келембет С. Пом'яники (синодики) князів Чернігівської землі як історичне джерело. *Сіверянський літопис*. 2016, № 6, 26.
- 4 Поменник Введенської церкви, 17.
- 5 Ставиский В.И. «История монгалов» Плано Карпини и русские летописи. *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1990 год*. М., 1991, 198–204.
- 6 Дмитриев Л.А. Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора. *Словарь книжников и книжности Древней Руси: XI — первая половина XIV в.* Ленинград, 1987, 414–415.
- 7 Ставиский В. О формировании житийной традиции прославления князя Михаила Черниговского (сравнительный анализ текстов). *Ruthenica* 16 (2020), 000.
- 8 Лосева О.В. *Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII — первой трети XV вв.* М., 2009, 301, 303–304, 307.
- 9 ПСРЛ 2: 806.
- 10 Ставиский В. Читаем Галицко-Волынскую летопись. *Ruthenica* 10 (2011), 241–250. Несомненно ошибочным следует признать мнение о том, что обряд «поклонения кусту» являлся специфическим для татаро-монголов (*Словарь русского языка XI–XVII вв.* Т. 8. М., 1981, 145).
- 11 Келембет С.Н. Великие князья черниговские: монгольский период (1246–1372 гг.). *Studia historica Europae Orientalis*. Вып. 11. Минск, 2018, 75.
- 12 Сергей, архим. *Полный месяцеслов Востока*. Т. 2, ч. 1. М., 1876, 269 (9 октября).
- 13 ПСРЛ 2: 562.
- 14 ПСРЛ 2: 659.
- 15 Татищев В.Н. *История Российская*. Т. 3. Москва, Ленинград, 1964, 283.
- 16 Сергей, архим. *Полный месяцеслов Востока*. Т. 2, ч. 1, 269.
- 17 Сергей, архим. *Полный месяцеслов Востока*. Т. 2, ч. 1, 268.
- 18 ПСРЛ 2: 658–659.
- 19 ПСРЛ 2: 659.
- 20 Oleksiy Tolochko, “On ‘Nestor the Chronicler’,” *Harvard Ukrainian Studies*. 29, 1–4 (2007), 11–13.

Вадим Ставиский